

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Лян Вэйци на тему: «Поэтика драматургии М.А. Булгакова 1920-х годов («Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Бег») и оппозиция «свое – чужое»», представленную на соискание ученой степени кандидата наук по научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

В центре внимания исследования Лян Вэйци драматургия М.А. Булгакова 1920-х годов. Несмотря на наличие значимых работ о писателе, существуют лакуны в исследовании творчества данного автора, особенно его драматургии, и работа Лян Вэйци, посвященная реализации оппозиции «свое – чужое» в пьесах Булгакова, призвана отчасти их заполнить. Лян Вэйци обращается к мотивной структуре пьес, заявляя, что оппозиция «свое – чужое», пронизывающая всю культуру, выполняет «идентифицирующую функцию», поскольку «обозначение границ “своего” происходит через осознание границ “чужого”, и наоборот», что особенно значимо «для людей, живущих в переломные периоды, например, в революционную эпоху в России», в частности для Булгакова, особенно в 1920-е годы (с. 9). Закономерно предметом исследования становится поэтика пьес Булгакова 1920-х гг., а целью – целостный анализ поэтики пьес «Дни Турбиных», «Зойкина квартира» и «Бег» «посредством рассмотрения проявления в них архетипической оппозиции “свое – чужое”» (с. 12). Лян Вэйци не ставит задачи подробно описать все аспекты драматургии писателя, ее интересуют наиболее отчетливые проявления архетипической модели на уровне пространственной организации произведения, персонажном уровне, а также в мотивной структуре и композиции действия. Следует отметить актуальность предложенного в диссертации подхода, делающего акцент на комплексном системном анализе драматургического текста в аспекте проявления в нем оппозиции «свое – чужое». Сформулированная проекция задач в большинстве своем решена, исследовательская программа реализована и концептуально объяснена.

Логика диссертационного исследования не вызывает вопросов и нареканий, ибо трехчастный вариант работы выверен и аргументирован. В первой главе диссертации Лян Вэйци, стремясь систематизировать проявления оппозиции «свое – чужое», обращается к пространственно-временной композиции и рассматривает противопоставление «дом – мир» как вариант проявления оппозиции «свое – чужое». Исследовательница утверждает, что дом у Булгакова выступает как «пространство, защищенное от враждебного внешнего мира», как «жилище кровно и/или духовно

родственных людей» и обладает набором ценностно значимых элементов, маркирующих дом как противопоставленное этому миру «свое» пространство. Город же в этой системе координат занимает промежуточное положение и предстает или как воображаемое пространство мечты или воспоминания (*locus amoenus*), или как реальный город, место действия (*locus terribilis*). Во второй главе Лян Вэйци фокусирует внимание на отражении оппозиции «свое – чужое» в системе персонажей пьес Булгакова 1920-х гг. и приходит к выводу, что герои пьес дифференцируются в том числе и по их отношению к противопоставлению «свое – чужое». Лян Вэйци обращает внимание на то, что в выбранных пьесах выделяется персонажи, для которых рассматриваемая оппозиция не является релевантной, хотя для других действующих лиц они выступают как свои или чужие. Лян Вэйци подробно описывает характерные черты этих персонажей (психологическая закрытость, отсутствие прошлого, отсутствие национальной идентичности и т.д.). Диссертантка также обозначает основные признаки, на основании которых в пьесах Булгакова происходит дифференциация «своего» и «чужого»; в их число попадают не только внешность и одежда персонажа, но и упоминаемые в пьесах детали интерьера и реплики героев. При этом Лян Вэйци справедливо замечает, что герой по одним признакам может показаться своим центральной группе персонажей, а по другим – чужим, что в результате и формирует противоречия, которые составляют конфликт каждой из пьес (с. 119). Третья глава посвящена рассмотрению трансформации оппозиции «свое – чужое» в процессе развития действия пьесы. Здесь в поле зрения диссертантки оказываются трансформации городского пространства, мотивная структура и перераспределение персонажей в процессе развития действия – их сближение, расхождение и переход из одной группы участников конфликта в другую. Проведенный анализ позволяет диссертанту сделать заключение о приверженности Булгакова «традиционной системе ценностей в условиях катастроф переломной революционной эпохи» (с. 199).

В целом следует отметить выстроенность и доказательность проведенного в диссертации анализа, широту обзора критической литературы, внимание к слову писателя, убедительность интерпретаций. В диссертации много удачных находок. Так, следует отметить интересные наблюдения во второй главе над речью персонажей, позволившие провести их речевую дифференциацию, и в целом удачность пересмотра системы персонажей в отношении к оппозиции «свое – чужое». Интересен параграф третьей главы, посвященный различным видам *qui pro quo* в драматургии Булгакова.

Наряду с несомненными достоинствами в диссертации есть несколько дискуссионных моментов.

1. Лян Вэйци говорит об оппозиции «свой – чужой» как об архетипической модели, однако на первых страницах исследования предлагает собственную формулировку «своего» и «чужого» («свое» – то, «что кажется человеку безопасным, близким и надежным», «свой» – тот, кто принадлежит к «общему коллективу», с. 11), то есть сразу, не обозначив инвариант, переходит к одному из вариантов. Более того, заявив, что оппозиция «свое – чужое» в той или иной степени присутствует в развитии действия почти любой пьесы», то есть является универсальной, утверждает ее особую роль у Булгакова (с. 150). Подобный резкий переход от универсальности оппозиции к ее уникальности не выглядит логичным. Не получает объяснения в работе и то, почему данный архетип является «идейным» (с. 12). Так, например, можно ли считать идейным «противопоставление полов», в котором соискатель видит «одно из древнейших и важнейших проявлений» оппозиции своего и чужого (с. 139)? Представляется, что в работе имеет место если не подмена универсальной оппозиции формами ее реализации, то по крайней мере их неразличение.
2. Лян Вэйци рассматривает реализацию оппозиции «свой – чужой» в мотивной структуре; мотив при этом понимается крайне широко: мотивом оказываются и «сентиментальная инфантильность» Аметистова в «Зойкиной квартире», и «амбивалентный мотив почитания женщины как Прекрасной Дамы, служения ей, заступничества за нее», и «мотив сражения», и «мотив драки», и «мотив преступления», в свою очередь распадающийся на мотивы кражи, грабежа и убийства, и «мотив совместного купания, предоставления кому-то своего белья, а также штанов» и т.п. Б. Гаспаров же, на работу которого о мотивной структуре романа Булгакова «Мастер и Маргарита» ссылается соискатель, говорит о принципе лейтмотивного построения повествования, при котором «некоторый мотив, раз возникнув, повторяется затем множество раз, выступая при этом каждый раз в новом варианте», то есть мотив характеризуется повторяемостью и приращением смысла (Гаспаров 1994: 30). Однако наполнения репродуцируемого «смыслового пятна» новым смыслом в ряде выделяемых в исследовании мотивов, например, в «мотиве имитации чужой речи», не происходит. Мотивная структура пьес Булгакова в результате расширения понятия «мотив» предстает неоправданно дробной, а само расширение – не вполне оправданным.
3. В задачи исследования входило «сопоставить обращение к анализируемой архаической модели в творчестве Булгакова и других писателей и определить, в чем состоит своеобразие первого» (с. 12). Однако сопоставление, за немногими

исключениями, в частности отдельными сравнениями с пьесами А.П. Чехова и упоминаниями Ю. Олеши, сводится к декларативному утверждению, что «в сопоставлении с современными ему драматургами, также постоянно строившими пьесы на оппозиции «дом – мир» [...], позиция Булгакова более консервативна и близка к архаической модели мира». Данное утверждение сопровождается ссылкой на анализ произведений современников Булгакова в монографиях Н.А. Гуськова и В.В. Гудковой (с. 63). Представляется, что диссертация Лян Вэйци выиграла бы, если бы диссертантка в большей степени адресовалась к советской драматургии 1920-х годов.

4. С точки зрения Лян Вэйци, «выявление авторской позиции в драматическом произведении затруднено, поскольку прямые высказывания драматурга отсутствуют и только полный анализ произведения позволяет установить, каким персонажам и в какой мере он симпатизировал» (с. 11). Представляется, однако, что наличие или отсутствие прямого авторского слова не связано с принадлежностью произведения к драматическому искусству.
5. По мнению Лян Вэйци, «художественный мир писателя построен на двоемирии, только не мистическом, как у романтиков, а основанном на противостоянии враждебной героям реальности и присутствующего лишь в их сознании субъективного идеала» (с. 198), при этом на протяжении 1920-х гг. актуализируется и становится все более значимой оппозиция «родина – чужбина». Жаль, что в этой связи от внимания диссертантки ускользнула работа Ю. Левина «Биспациальность как инвариант поэтического мира В. Набокова», в которой речь идет об аналогичных оппозициях.
6. В библиографии, весьма обширной, практически отсутствуют работы о творчестве Булгакова на иностранном языке. Так, в библиографию включена одна публикация на китайском языке и не включены работы на английском языке.

Высказанные соображения не снижают положительной оценки диссертационного исследования Лян Вэйци. Представленная к защите работа вносит вклад в исследование поэтики драматургии М.А. Булгакова 1920-х годов. Достоверность научных результатов обеспечена теоретико-методологической базой исследования, доказательным анализом вынесенных на защиту положений. Список использованной критической литературы включает около 250 наименований. Основные положения и выводы диссертации получили отражение в публикациях автора по теме исследования.

С учетом всего вышесказанного полагаю:

Содержание диссертации Лян Вэйци на тему: «Поэтика драматургии М.А. Булгакова 1920-х годов («Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Бег») и оппозиция «свое – чужое»» соответствует научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации;

Диссертация Лян Вэйци является научно-квалификационной работой, которая вносит вклад в исследование поэтики драматургии и творчества М.А. Булгакова.

Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук соискателем ученой степени мною не установлено.

Диссертация Лян Вэйци соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и рекомендована к защите в СПбГУ.

Член диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

Бугаева Любовь Дмитриевна

28.02.2024